

Волчек бояться — в «Современник» не ходить

95

Конец правды. — 1994.
13 авг.

Галина Волчек,
главный режиссер
театра
«Современник»,
недавно
отпраздновала
юбилей.
Художник —
талантлив, театр —
популярен,
интервью —
откровенно

— Ваш театр родился в шестидесятые годы. Первый предвещник творческой свободы. Очень скоро он стал властителем дум поколений. Пробудил общественное сознание?

— Наверное. За долгие годы впервые театр родился по желанию художников, студийцев, а не по приказу начальства. «Современник», может, и не предложил новое искусство, новую форму. Он принес новую интонацию, другое качество правды, когда кругом была розовая, с бордовым оттенком ложь, упакованная в высокое мастерство, в привычные традиции. Живая интонация, которую предложил Ефремов, несла возможность новой жизни и спровоцировала многих. Через несколько лет родилась Таганка.

— «Современник» считался театром единомышленников. Тогда чувство товарищества дорого стоило. Театр совершал поступки, на которые в те времена решился бы не каждый. Стремление поставить опального Солженицына. Отказ подписать обличительное письмо в адрес замечательного писателя. О нравственности труппы говорят и эпизоды, когда театр отказался от первых зарубежных гастролей: не оформили двух товарищей. Государству пришлось платить неустойку.

— Меня начальство называло «хунвейбинкой». Но зачем об этом сейчас говорить. Мы пытались жить честно. Это я считала нормой существования, а не чем-то героическим. Этот театр отмечен Богом, если он существует и не переступил черту порядочности. В этом и моя судьба. Меня часто спрашивают — правда, что я не была членом партии? Мне так же был отвратителен партбилет — пропуск в карьеру, как и молниеносное отречение от него многих в последние годы. Я не переносю всякие кампании. Стараюсь быть в стороне от них. Для меня главное, чтобы жил «Современник».

— При всей своей популярности «Современник» жил и

живет достаточно скромно. Что тому причина?

— Нам как-то всегда мало давали. И в годы застоя, и в годы перестройки, когда власть перешла к другим людям. Театр ни разу не послали на международный фестиваль. Да и на внутренний тоже. Нам не простили, что мы выжили после ухода Ефремова. Театральная критика предвещала развал театра, а он не произошел.

Как нас только не унижали, травили! Это началось, когда я стала главным режиссером. Все скрутилось в какой-то узел. Сама я ничего не предпринимала. У меня уже были спектакли «Обыкновенная история», «На дне», «Двое на качелях». Сначала театром управляла коллегия. И я была в ее составе. Но из этого ничего не получилось. И на собраниях труппы уговорили — обязали — взять на себя театр. Тут все и началось. Как я посмела взять театр!

— Какие спектакли наиболее репертуарны в вашем театре?

— Все важны, все любимые. Особое место занимает, наверное, «Крутой маршрут». Ценю нашу постоянную связь с писателем Александром Галиным. Важен для меня приход в театр драматурга Коляды. Я высоко ставлю его талант. У него большое будущее. Спектакль «Мурлин Мурло» во многом отражает мое внутреннее состояние — за что нас Бог оставил, отвернулся от нас? Этот вопрос главная героиня задает себе и всем.

— А если отступить от спектакля — за что нас Бог оставил?

— Мы репетировали с Евгением «На дне». Он играл Сатина. Главное — монолог о человеке. Там есть такой текст: «Вы все скоты, дубье». Я говорила Жене: «Мне неинтересен Сатин, когда он обращается к другим с этими словами. Должно быть: «Мы все скоты, дубье». Подтекст должен быть такой. Мы все виноваты в том, что Бог от нас отвернулся. В этом году мы открывали сезон спек-

таклем «Крутой маршрут». В финале артистки должны подойти к решетке, через две минуты гаснет свет. В этой звенящей тишине, в этой паузе раздался голос из зала. Мужской. Я лица не видела. Голос был сдвинутый, человек обращался к женщинам за решеткой: «Простите нас все!» Тема прощения и покаяния для меня важна в «Анфисе», в чилийской пьесе «Смерть и дева». За что нас Бог оставил?

— Как вы считаете, в чем спасение?

— Мой знак — Стрелец. Это знак земли. Но я невероятная фаталистка и верю в какие-то надземные вещи. Космические. Драматург Володин как-то говорил о теории вопрекизма. Многие происходят вопреки логике, вопреки прогнозам. Я надеюсь, что нам достанется другая, лучшая жизнь. Политикой не занимаюсь, реальные прогнозы строить не могу. Моя политика — это театр. Каждый должен заниматься своим делом. «Современник» существует именно потому, что происходит непрерывный «обмен веществ». У нас очень сильная молодежь. Лицо театра наряду со стариками определяют молодые артисты. Это целая группа талантливых людей. Вливается постоянно молодая кровь. Я знаю, как бывает трудно театру, когда уходят хорошие артисты. Когда мы пережили уход Ефремова, то взяли целую группу молодежи — Райкина, Богатырева, Поглазова, режиссера Фокина. Мы ищем молодую режиссуру. Ошибаемся, доверяем, снова ищем.

— Сегодня «Современник» — один из немногих театров, который делает сборы. Есть свой зритель?

— Я боюсь сглазить. Мы пытаемся держать цены в пределах разумного. Безнравственно, что бутерброд в буфете стоит больше билета. Делаем все, чтобы не поменялся состав зрительного зала. Молодежь, техническая интеллигенция. Они смотрят каждый спектакль, и по несколько раз. Об этом говорит почта. Пришло письмо от девятнадцатилетней девушки. Посмотрела по телевидению «Анфису». Спектакль ей очень понравился. Она специально приехала в Москву. После спектакля написала в театр очень трогательное письмо. Ради таких людей должен жить театр. Вопреки всему. Помощь государства довольно скудная. Есть спонсоры, но и они в трудном положении. Во всех странах благотворительность не облагается налогами, но не у нас.

— Вы поставили много спектаклей за границей. Где легче работать режиссеру?

— Легче за рубежом. А люблю я, конечно, свой театр. Не всегда любишь то, что легче.

Маргарита
КВАСНЕЦКАЯ.